

лизабет Маркштейн – австрийская переводчица и славистка, тесно связанная с судьбами крупнейших русских писателей ХХ века. В начале 1970-х годов Маркштейн была лишена советской визы и возможности бывать в России. Однако за время частых приездов в СССР в конце 1960-х – начале 1970-х годов она успела познакомиться со многими литераторами и, в частности, с Иосифом Бродским.

Это знакомство получило неожиданное продолжение в июне 1972 года, когда Бродский прилетел в австрийскую столицу стандартным маршрутом еврейской эмиграции из СССР — через Вену. Получив в мае 1972 года выездную визу, Бродский обратился к Элизабет с просьбой встретить его в Вене. Вот как об этом вспоминает сама Маркштейн в своей книге «Мозкаи ізт viel schöner als Paris. Leben zwischen zwei Welten» (Wien: Milena Verlag, 2010):

«Выходит так, что интересные события в моей жизни то и дело начинаются с телефонного звонка. Вот и на этот раз. Я сидела в бигуди под сушильным колпаком у моей милой парикмахерии фрау Луизы... "Вас к телефону!" Я выползла из-под фена: "Да,

БРОДСКИИ В В ене

24 МАЯ ЭТОГО ГОДА НОБЕЛЕВСКОМУ ЛАУРЕАТУ ИОСИФУ БРОД-СКОМУ ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ 80 ЛЕТ. ПОСЛЕ ВЫСЫЛКИ ИЗ СССР ПОЭТ ПРИЛЕТЕЛ В ВЕНУ, ГДЕ ПРОБЫЛ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ. В АЭРОПОРТУ ЕГО ВСТРЕЧАЛА ЭЛИЗАБЕТ МАРКШТЕЙН, С КОТОРОЙ ОН ПОЗНА-КОМИЛСЯ ЕЩЕ В ЛЕНИНГРАДЕ.

Маркитейн!" Далекий голос отозвался по-русски. "Говорит Иосиф Бродский". Он вынужден эмигрировать. Можем ли мы встретить его на аэродроме? Было 4 июня 1972 года. "Конечно, мы будем Вас ждать".

Я познакомилась с Иосифом Бродским за несколько лет до этого, будучи в гостях у семьи Эткинд в Ленинграде. Со мной была моя дочка Мирли (по-русски скорее Мирочка), которой тогда было около трех лет. Только я уложила ее спать на диване в столовой, как вошел Бродский, сияющий от счастья: у него в этот день [8 октября 1967 года] родился сын. Все его поздравляли. Мирли уже и не думала спать и кокетничала с Иосифом. А он, в хорошем настроении, кокетничал с ней в ответ.

С поездкой из аэропорта все оказалось просто: издатель Бродского [Карл Проффер] прилетел сюда к нему из Штатов. И мы встретили Иосифа уже вечером. <...> Пока Бродский жил в Вене, он часто приходил к нам. Один поэтический вечер за нашим столом

мы записали на магнитофон. Иосиф читал нам свои новые стихи, порой впадая в непривычный нам пафос, а затем очень ясно и убедительно отвечал на наши вопросы, иногда не без гордыни. Время от времени восьмилетняя Мирли тоже подавала голос. <...> По просьбе Иосифа мы отвезли его к Уистену Одену в небольшой городок в Нижней Австрии. Мои дочки Бабси и Кати ходили с Бродским в Оперу, водили его по городу. Любопытным туристом его не назовешь. Чувствовалась грызущая его тоска. Привлекательный мужчина, порой обаятелен, порой немногословен. <...>

Из Вены Бродский улетел в Лондон. Писем от него я не ожидала. В конце 1972 года нам и девочкам пришла открытка из Венеции с поздравлениями к Рождеству и Новому году. "Представьте себе, меня занесло сюда. Потому что для меня нигде нет места". Мне трудно было переводить домашним, такая горечь была в этом письме».

Глеб Морев www.colta.ru Записи, хранящиеся в Йельском архиве поэта (Beinecke Rare Book & Manuscript Library; папка № GEN MSS 613 Box 141 f. 3100 complete.pdf), показывают, как Бродский воспринимал все, что происходило с ним начиная с 4 июня, того самого дня, от которого, как казалось еще вчера, сохранилась лишь серия фотографий Михаила Мильчика — Иосиф, сидящий на чемодане в ленинградском аэропорту Пулково.

Текст дневника начинается с описания полета, взгляда из иллюминатора:

4 июня

В полдень самолет стартует без разворота прямо на запад: профиль соседки слева залит солнцем. Молодой Джю-неофит за спиной реализует запас своего инглиша с американочкой. Внизу — Эстония, вижу Усть-Нарву, где Нинуля и Леша [Лифшиц] с детенышами. Венгерский майор смотрит в иллюминатор с любопытством профессионального военного. Вот и всё.

За шеломенем еси, за облаками.

Кто платками машет вслед, кто кулаками...

Потом Джю заговаривает со мной. Выясняется, что знает польский.

Мал-мал поразмувлялы. Тут объявили, что мы – над Польшей. Сам Бог, значит. Чехословакия сверху похожа на Литву сверху; но без озер (видел Тракай и Вильно – о Господи!). Потом пошли над Венгрией. Пушты не было, был лес, черепичные кровли, Дунай, Маргит, силуэт Парламента, мосты. Сверху видно, что в Будапеште – масса стадионов. Гонвед!

Сели. Квайт найс. Вошли в зал для транзитных. Душно, чашка кофе стоит (или бармен – сволочь) 25 центов. Угостил Джю и так избавился от почтения к доллару. <...>

Я не чувствую ничего. Ничего. Только духоту. Пять часов ожидания.

О ЗАПИСЯХ ПОЭТА, СДЕЛАННЫХ В ПЕРВЫЕ ДНИ ЭМИГРАЦИИ

«Посиф бродский «Попытка ЭНЕВНИКА»

Вена, 4-8 июня 1972 года

ДС-9, Австрийские Авналинии. Стрардесси снимают юбки, надевают передники, а ля пейзанки, и предлагают соломенные подноси с кубелями, числом 3, на каждом — мордочка Моцарта. Английских газет нет. Джо где-то свади толкует с пожилым венгром о свободе слова. Свобода слова, говорюю я ему, обернувшись, чревата инфляцией слова. Не чувствую ничего. Вена. В аэропорту — никаких джо-гардианз. Может, потому что нас только двое. Из автобуса вижу на террасе аэровокзала К. Складываю "Ви" — он видит. Пикаких приключейий, кроме затерявшегося чемодана. Который появляется через некоторое время на транспортере, в полном одиночестве. Маркитейны и К: за стеклом. Таможенный досмотр — I минута — Енапс или-сигареты везете? Две бутынки /одна для Одена от.Томика/ Показываю. Очень заинтересован. Отвечаю, что литовская.

Такся, огромный мерседес. До города далеко: км 30 или больше. Также жарко, как в Буданете, но самый воздух другой: не потому что фридом,

Дал Джю свою Джюиш книгу. Сидит, читает, шевелит губами, переводит.

Этот не пропадет.

ДС-9, «Австрийские авиалинии». Стюардессы снимают юбки, надевают передники, а-ля пейзанки, и предлагают соломенные подносы с кугелями, числом 3, на каждом — мордочка Моцарта. Английских газет нет. Джю где-то сзади толкует с пожилым венгром о свободе слова. Свобода слова, говорю я ему, обернувшись, чревата инфляцией слова. Не чувствую ничего.

Вена. В аэропорту – никаких джю-гардианз. Может, потому что нас только двое. Из автобуса вижу на террасе аэровокзала К[арла]. Складываю «Ви» – он видит. Никаких приключений, кроме затерявшегося чемодана. Который появляется через некоторое время на транспортере в полном одиночестве.

Маркштейны и К. – за стеклом. Таможенный досмотр – 1 минута – инапс или сигареты везете? Две бутылки (одна для Одена от Томика [Венцловы]). Показываю. Очень заинтересован. Отвечаю, что литовская.

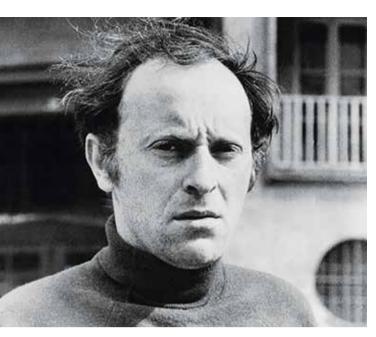
Такси – огромный мерседес. До города далеко: километров 30 или больше. Так же жарко, как в Будапеште, но сам воздух другой: не потому что фридом, а из-за близких Альп. Сначала [Вена] похожа на Литву (от аэропорта до Вильнюса). Потом – слишком для Литвы промышленно. Потом ясно, что планировка все-таки восточно-европейская. Похоже на все прибалтийские столицы. На Ленинград не похоже ничуть. Впрочем, это окраина, а все окраины одинаковы.

Гостиница «Белльвю». Шок у портье от отсутствия паспорта: имперское наследие. Номер славный. В окне: Франц-Йозеф-Банхоф. Но поезда либо очень цивильные, либо их нет: не слышно. Чувств нет. России нет и Австрии тоже. Ни заграницы, ничего – нет.

Обед (ужин) во дворе гостиницы, альфреско. Под платаном с зажженными фонариками а-ля XIX (а может, и взаправду XIX-го) века. Шесть столиков, скворешня, но в ней – певчий дрозд. Водоем с рыбками. Тихо. Рай за углом во дворе направо.

Потом – заезжают Маркштейны, вечер у них. Разговоры о джюз, о перспективах России внутри и вовне. Но филингз. Солженицын ет сетера. Агитирую за подписку на Ардис.

Если 4 июня – это многочасовое ожидание в душной транзитной зоне будапештского аэропорта, встреча



Иосиф Бродский. Вена, 12 июня 1972 года.
 Неделя после отъезда из СССР

с Маркштейнами и прилетевшим из Америки в Вену Карлом Проффером (в своих записях Бродский именует его К.), то уже 5 июня поэт описывает впечатления от самого города.

5 июня

Шпацирен. Глаз, привыкший к (истерн) дистанции между объектами (внимания), не выдерживает их местной плотности. Рококо вещей, барокко и готика вещей, архитектуры тоже. К полудню перестаю воспринимать. (Начинал ли?) Видимо, возраст: отталкивания. В лучшем случае: избирательности. Не потребления. Возраст не-потребления.

Город поразительный. Имперское наследие. Монументы и монументы: людям, вещам, всему. Генералам и их лошадям. Также – поэтам. Понятно, почему не завоеван: высокая плотность культуры обеспечивает свободу. Может быть, только она. Трамвай катится по Рингу: дворцы, парки, монументы, кафе, соборы. Иногда – комбинация всего вместе.

К концу дня – новая для меня ситуация: тело послушно, мозг – нет, не работает; каша – без цвета, вкуса, запаха: белое состояние. К[арл] засыпает в отеле, я отправляюсь бродить по прилежащим улицам. Некто плетется сзади. Или это моя паранойя?

Ни чувств, ни – тем более – мыслей.

Из описания событий 6 июня становятся известны детали ключевого для Бродского визита – к Уистену Хью Одену.

6 июня

Утром решаем ехать к Одену. К[арл] добывает в АВИСе фольксваген, два часа петляем по автобанам, ищем

Киритеттен. В этой стране их три. Находим и застаем; только что с поезда – из Вены. Оказывается симпатичен, монологичен (видимо, не встречает сопротивления или – самозащита, как думает К[арл]). Более морщинист, чем на фото, в красной рубахе, в помочах и шлепанцах. Осанкой и манерой обрывать разговор удивительно напоминает А. А. [Ахматову]. Ничего не понимает (но и не должен) насчет Р[оссии]. Приглашает на ланч в субботу.

В речи поэта все чаще звучат англицизмы и устойчивые для советского человека представления о западном образе жизни – ужин в гостинице «Бристоль» Бродский называет «файн динна», а местное кабаре, где эмигранта, словно в фильмах Вуди Аллена, вовлекают в акробатическое шоу, – «Мулен Руж». Дневниковые записи заканчиваются описанием 8-го июня. В этот день – в ночь с пятницы на субботу – Карл Проффер улетает обратно в Штаты, а Бродский продолжит дожидаться сначала американской, а затем английской визы.

7 июня

Визит в Австрийское Объединение (Союз) Писателей. Очень милый, очень

аэропортовский Вольфганг Краус. Потом нас находят. Находит Строб Талбот из Тайм и Лайф. Что есть одно и то же. Похоже, что повезло: читал. Сначала появляется его фотограф, Франц Гоёс. Которого – паранойя – принимаю за советского. Дожидаемся Строба в кафе. Появляется, похож на Наймана – физически. Интервью в кафе, продолжение – в квартире Франца. На стенах – прекрасные гравюры.

8 июня

<...> В ночь с пятницы на субботу Карл улетает. Сидим до 3-х ночи, толкуем. Внезапно выключаюсь. Открываю глаза: его нет. Весьма грустно.

Утром звонят из ЮПиАй, ПариМатч, НЙТаймз. Начинается.

Подробности происходящего 8–20 июня в записях Бродского не отражены. Из своего рода постскриптума к июньским записям, сделанного, очевидно, позднее, мы узнаем, что в это время поэт ничего не писал, кроме «начала статьи для НЙТаймз». Там же им самим прояснена и природа публикуемого текста («попытка дневника»), полная публикация и подробное комментирование которого – будущая задача для историков литературы:

Читал стихи в местном вузе, покупал на углу кока-колу и бананы, листал газеты. Был в шоке, но не плакал. Общался с Оденом <...>. Впечатления, что людям живется легче, не было, но выглядело всё, в общем, не так и лучше, чем я представлял. Ничего не писал, кроме начала статьи для НЙТаймз, и если на Пфайльгассе, 8 когда-нибудь появится мемориальная доска, текст там будет по-английски. Старался, чтоб по моему лицу не было понятно, что ощущаю, но добился того, что не понимал сам. А сейчас уже плохо помню. То, что выше, - попытка дневника - роскошь здесь позволительная, но по причине лени недосягаемая.

Антон Желнов www.colta.ru

© Фонд по управлению наследственным имуществом Иосифа Бродского